

МАРИЯ КАМЕНКОВИЧ

Между явью и сном

ПАЛЪМИРА

Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
К18

Каменкович М.

К18 Между явью и сном / Мария Каменкович. — М. ; СПб. : «Т8
Издательские Технологии» / «Пальмира», 2021. — 190 с. — (Се-
рия «Часть речи»).

Настоящий сборник составлен условно из двух частей. В первой за ос-
нову взята «Река Смородина» — первая, составленная Марией книга, вы-
шедшая в 1996 г. и вошедшая в шорт-лист премии «Северная Пальмира»
в 1998 г. Здесь добавлены, в частности, несколько стихотворений из поэ-
тического сборника «Деревя». Во второй части представлены стихи раз-
ных лет, некоторые публикуются впервые.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-02714-6

© Каменкович М., наследники, 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

Краткая биография

Мария Владимировна Каменкович (Трофимчик), 5.02. 1962, Петербург (Ленинград) — 15.12. 2004, Регенсбург — русский поэт, критик, переводчик, эссеист.

Переводила с английского тексты Дж. Р.Р. Толкина, Томаса Шиппи, поэзию У. Блейка и др. Выступала с критическими статьями. Печаталась как поэт и эссеист в журналах «Звезда», «Новый Мир», «Всемирное Слово», «Преображение», «Родная речь», «Вторая Навигация», «Mallorn», «Палантир», «Крещатик» и др. Автор передач на Радио Би-Би-Си (Культура Европы). Редактор журнала «Крещатик» (1999–2002). Совместно с Валерием Карриком издан полный комментированный перевод «Властинына Колец» Джона Толкина (с страничными комментариями и научно-справочным материалом). Автор работ, посвящённых творчеству Вячеслава Иванова. Участник международных Ивановских конференций в Риме. Премия им. А. Беляева (1996). Шорт-лист премии «Северная Пальмира» (1998, лауреат — Лев Лосев). Произведения М.К. переведены на английский язык. Издано пять книг стихов (две книги — посмертно). С 33-х лет знала о своём смертельном диагнозе. Умерла в 42 года.

«Мария Каменкович — большой русский поэт нашего времени», — писал о ней Виктор Соснора.

От составителя

Настоящий сборник составлен условно из двух частей. В первой за основу взята «Река Смородина» — первая, составленная Марией книга, вышедшая в 1996 г. и вошедшая в шорт-лист премии «Северная Пальмира» в 1998 г. Здесь добавлены, в частности, несколько стихотворений из поэтического сборника «Деревья». Во второй части представлены стихи разных лет, некоторые публикуются впервые.

Слово пылающее в Бытии

*«Я — слово (с маленькой буквы), пылающее в Бытии.
Я — одна (а теперь — с большой) из несметных Его слуг.
Я зажигаю свою свечу на литии
И обращаюсь в слух...»
(Мария Каменкович, из книги «Дом тишины») (стр. 154).*

Она вынашивала свой дар, как та, другая Мария — свой. После Благой Вести.

«Когда узнала я, что я — поэт» (переиначивая её любимую Цветаеву).

Она переживала — в разработке своих образов, в своём пластическом и поэтическом взрослении — «онтогенез — как филогенез».

Она проходила стадию классики, стадию золотого века — с пушкинским ямбом и всяческими фебами — в 17 лет. (Нет, не всяческими, а — своими фебами, «полумёртвыми») :

*«Надиктовывает щедро
Полумертвый Феб...»
(1979) (стр. 135).*

Футуристский маяковский шаг и наведение резкости на предмет — в 18-ть :

*«Я — очевидец своих восемнадцати лет.
Это — почти очевидец своих лопаток. ...» (стр. 134).*

*«Дунешь на мысль — сполох на потолке:
Словно качнулось гигантское блюдо с чаем...» (стр. 134).*

*«Мост из-под губы сплевывает слова.
Те, выплывая льдом, становятся зримы.
Как вода в ледостав, болит голова,
Пробуя угол рифмы...»*

(1980)

«Серебряный» В.Иванов со свитой появляется несколько позже. Да так и остаётся, со свитой — навсегда. (Разве что потом их отодвинет, чуть в сторону, более универсальное тяготение — к Псалму. Что уже не есть лишь только — поэтика. Но — мироощущение.

Всё чаще будут потом проплывать миражи времени и места — времена и места древние, притчевые. Изначальные. Колыбельные. Ханаан. Вавилон. Ур.)

Но, пока :

*«Куполами из туманов,
Кормчими по хлябям мрака:
Рильке, Хлебников, Иванов —
Солнце мёртвы...»*

(1982)

Её звали Мария Каменкович.

Маша.

Её прекрасное знание топографии русской и мировой словесности в юном возрасте, выучка, природный дар... Опасные вещи.

Слава Богу — ничего из этого подарочного набора не станет, как у очень многих начитанных молодых людей со способностями, душистым сыром из ловушки — из мышеловки пожизненного ученичества. Маша Трофимчик (урождённая), утёнок из сосноринского ЛИТО, превращается, очень быстро, очень уверенно, суверенно — в того самого прекрасного лебедя. Поэт Мария Каменкович начинает своё — непоправимо недолгое, яркое, «незаконное», согласно страшному диагнозу — Хождение За Три Моря. Существование в слове.

Мощными аккордами начинает. Большими удачами.

Вот верлибр — «фирменный», имени М.К. «Сад в Александро-Невской Лавре»: просто потрясающе хороший верлибр. И не чувствуется стыков, стих «ведёт». Заводит. Отсутствие, при всём при том, гладкописи. Это там, где:

*«Ничего, когда-нибудь мы умрём и обо всем узнаем...»
(стр. 178).*

Вот — рифма. Иногда — совсем неожиданная. Заставляющая по-новому сверкнуть — и ведущее — и ведомое слово. Поворачивающая, порой, саму их семантику непредсказуемой гранью. Рифма, подчас, вовсе уж — «криминальная». Неправильная. За гранью фола. Но, тем не менее — дивная, особым образом работающая: зрелой Марии — бренд, «конёк».

Марии Каменкович 20 лет. Начинает преобладать духовное «хождение за моря». Проецируются друг на друга, взаимовлиянием — поиски. Поиск самого себя, своей самости. Поиск небесного Ерусалима. Поиск слова... :

*«И некому перепирать нам Бога,
Как в ино время Гнедичу — Гомера...
Напой нам, нацеди густого слова,
Отеческого сула, зинзивера...» (стр. 109)*

Вот — раздёрганный, мучимый своей невоплощённостью, образ незаурядной молодой женщины. Чувствуешь его — уже в этих, вроде бы к другому относящихся, строчках:

*«...и поэтому сам шестокрыл дикоглаз безрассуден
предпочетий животного Ангела вязам и людям
и поэтому сам истончается тонкою схемой
самовольно облекившийся гордою, хладною схимой
и поэтому сам он бестрепетен, тих, аккуратен...»
(стр. 57).*

От текста к тексту нарастает экзистенциальная тревога, чувство начала:

*«...ухо к снам:
Гул от приближенья бед.
Сон ломается, как наст.»
Накапливаются, параллельно, качества.
Пора Великого Перелома.*

Возникает волшебный «массивный перстень». Его сердцевина — твёрдой, драгоценной огранки христианская вера — начинает теперь определять угол преломления поэтического взгляда.

*«... барахтаясь в судьбе,
массивный перстень Византии
со дна добыла я себе...» (стр. 71)*

«Перстень Византии» — найденный ещё в Ленинграде. «Со дна», с самых ранних, заветных, запретных советских времён.

В дальнейшем, от перемены мест географических — ничто, в этом смысле (в Этом Смысле), уже не менялось. Измениться не могло.

Да и братцы, Кирилл да Мефодий, там, в Регенсбурге, на новом её месте, уже допреж побывали. Осмотрелись. Мёд-пиво пили. Хорошая компания.

Вера — Камень. Не только драгоценный камень перстня.

Петрус.

Камень Кааба.

*«среди чужих моих стою:
ужели этот камень вечный
расколет голову мою?»(стр. 71).*

Не расколет. Точно. Но лишь — укрепит силы : для будущей семилетней схватки — со смертельной болезнью.

К стихам Марии Каменкович, связанным с переживаниями веры, насыщенным раскалённой семантикой христианства (да так, что кажется : вот-вот, сейчас, в какой-то колбе, начнётся кристаллизация смыслов — в откровение), вовлекающих в себя, гармонически, никак не повседневные термины литургии, церковного обихода (всё это без оглядки на секулярного читателя. Пусть и очарованного происходящей на его глазах, разворачивающейся бесконечно внутрь, драмой мета-